

«Уходили мы из Крыма...»

«Донской Есенин», «баян российского казачества» - долгое время эти лестные оценки таланта Николая Туроверова звучали исключительно на чужбине. И если «поэт в России – больше, чем поэт», то трудно переоценить роль этого донского казака в жизни тех, кто оказался в вынужденной и мучительной эмиграции.

Неустанный собиратель казачьего наследия и преданный хранитель его традиций, символ русского казака для европейцев – вот лишь некоторые штрихи к портрету Николая Туроверова, сумевшего в своем творчестве переплавить личную боль в терпкий, со слезами пополам эликсир национальных традиций и казачьей гордости.

В ноябре 1920 года тяжело раненого 21-летнего подесаула Атаманского полка в сопровождении жены и младшего брата внесли на севастопольский пароход – он был одним из последних казаков пятидесятитысячного Донского корпуса Врангеля, эвакуировавшихся из Крыма. Предполагал ли он, что видит родину в последний раз?

К трагизму белогвардейского «исхода» Николай Туроверов будет постоянно возвращаться в своих стихах. Крым стал поворотным событием не только для человеческой, но и творческой судьбы Туроверова. Молодому, не так давно вышедшему из возраста мальчишек-«атаманцев» Туроверову избежать духовного опустошения помогло отчаянное желание зарифмовать, сохранить для современников и, возможно, потомков то, что называется «национальной памятью». Спасаясь творчеством, он воодушевлял им и других. На чужбине он выживал, берясь за самую черную работу - сначала в Сербии, а потом во Франции.

Николай Туроверов

В 1928 году Туроверов представил публике свой первый поэтический сборник под простым и емким названием «Путь». Были в ней и строки о роковом крымском разрыве:

*Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.*

... А кони бросались в воду от Графской пристани и преданно, до последнего плыли за кораблями, увозившими их хозяев к чужим берегам. С течением времени сева-стопольская картина не потускнела в памяти. С высоты прожитых лет казалось, что все в тот день имело фатальный смысл, в полной мере постигаемый только сейчас. Так в 1940 году, в годину новых потрясений (во Вторую мировую Туроверов служил во французском Иностранном легионе) родилось самое знаменитое стихотворение, ставшее «визитной карточкой» поэта. Этой стихотворной зарисовке суждено было стать одной из самых пронзительных аллегорий трагического хаоса гражданской войны.

Стихотворение «про коня» без имени автора – ирония судьбы! – было популярно и в Советской России, а сюжет про прощание белогвардейского офицера с конем даже нашел отражение в кинематографе: в 1968 году на экраны вышла картина «Служили два товарища», где герой Брусенцов (в исполнении Владимира Высоцкого) так и не смог пристрелить своего Абрека, предпочтя пустить пулю себе в висок.

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,*

*Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо -
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*

Эти строки стали своего рода поэтическим памятником всем русским людям, которые вынуждены были покинуть охваченную революционной смутой Родину, бесценным историческим свидетельством, в котором запечатлена боль и горечь расставания...